

СССР

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ

МОСКОВСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА, ОРДЕНА ТРУДОВОГО
КРАСНОГО ЗНАМЕНИ И ОРДЕНА ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

ПЕТРЕНКО Владимир Александрович

КУЛЬТУРА
НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО ПРИТЕРЕЧЬЯ
В САРМАТСКУЮ ЭПОХУ
(III в. до н. э. — IV в. н. э.)

Исторические науки — 07 00 06 — археология

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

*Дорогому Сергею
Федорову с самыми
дружескими приветствиями
16/XI 80
Петренко*

МОСКВА — 1980

Работа выполнена на кафедре всеобщей истории
Чечено-Ингушского государственного университета им. Л.Н.Толстого

Научный руководитель - доктор исторических наук, профессор,
заслуженный деятель наук ЧИ АССР
ВИНОГРАДОВ В.Е.

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук, профессор МЕРПЕРТ Н.Я.
кандидат исторических наук ПОГРЕБОВА М.Н.

Ведущее научное учреждение - Кабардино-Балкарский ордена
"Знак Почета" институт истории, филологии и экономики

Защита диссертации состоится " " _____ 1980 г. в _____
часов на заседании специализированного совета по археологии
и этнографии К 053. 05.02 по защите диссертаций на соискание
ученой степени кандидата исторических наук в Московском государ-
ственном ордена Ленина, ордена Трудового Красного Знамени, ордена
Октябрьской Революции университете им. М.В.Ломоносова по адресу:
Москва, Г7234, Ленинские горы, МГУ, I-й корпус гуманитарных фа-
культетов, исторический факультет, аудитория № _____

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке им.
А.М.Горького Московского государственного университета имени
М.В.Ломоносова.

Автореферат разослан " " _____ 1980 года

Ученый секретарь
Специализированного Совета
кандидат исторических наук,
доцент

ЗАСЕДАТЕЛЬША Л.Е.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность проблемы. Степень изученности древностей сар-
матской эпохи Среднего Притеречья заметно отстает на общем фоне
исследований сарматского времени в других областях и районах Се-
верного Кавказа, а также и смежных периодов. Необходимость созда-
ния данной работы диктуется постоянным ростом источниковой базы,
определяющим потребность создания полной сводки памятников сар-
матского времени и их обобщения. Задача эта тем актуальнее, чем
яснее факт: неподкрепленная должным образом проработкой всех вы-
явленных памятников материальной культуры трактовка традицион-
ного круга античных письменных источников о древней истории края и
категорий вещей всегда будет оставлять простор для субъективных
умозаключений, взаимоисключающих выводов и достаточно острой по-
лемики, как это и имеет место в отношении северокавказских сар-
и их контактов с аборигенами, в том числе и в области Среднего
Притеречья.

Цель исследования. Главная задача работы заключается прежде
всего в том, чтобы на основе максимальной мобилизации известных
данных о собственно сарматских, аборигенных и смешанных памятни-
ках III в. до н.э. - IV в.н.э. в Среднем Притеречье показать не
только их специфику, но и неразрывную связь с синхронными мате-
риалами соседних областей, а в общем - определить их место в по-
ступательном историческом развитии населения кчно-русских степей
Восточной Европы и Кавказа. При этом, мы стремились "...не забыв-
вать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точ-
ки зрения, как известное явление в истории возникло, какие глав-
ные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зре-
ния этого его развития смотреть, чем данная вещь стала...".¹ Имен-
но с таких методологических позиций нами будет предпринято тол-
кование разнообразных источников.

Существенной задачей исследования является попытка обосно-
вания генетической связи местных памятников с культурой населе-
ния предшествующих эпох, обитавших в предгорной зоне.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.39, с.67

Научная новизна работы состоит в том, что она по существу является первым обобщением всех наличных материалов по сарматской эпохе Среднего Притеречья. Здесь анализируются 170 погребальных комплексов, данные о 30 бытовых памятниках, многочисленные случайные находки. Преобладающая часть материала нова и впервые подвергается исследованию. Это прежде всего относится к анализу данных III в. до н.э. - начала н.э. из двух Ханкальских могильников и к части материала из собственно сарматских и горских материалов.

В работе на основе сопоставления археологических и письменных источников предлагается и обосновывается иная, чем существовала до этого периодизация исследуемой эпохи: III в. до н.э. - IV, н.э. и II-IV вв.

Апробация результатов некоторых разделов исследования проводилась путем изложения их в докладах и сообщениях на научных конференциях археологов регионального и всесоюзного значения. Доработка отдельных глав осуществлялась с учетом высказанных замечаний и пожеланий. Публикация основного содержания ряда параграфов и глав в научных изданиях Москвы и сборниках Грозного, Махачкалы, Нальчика, Орджоникидзе, Краснодара, Ростова-на-Дону и, Элиста была важной формой проверки производимого исследования.

Практическая значимость работы может заключаться в использовании её при создании трудов обобщающего характера по древней истории края и соседних областей Северного Кавказа. Выводы и материалы могут найти применение при чтении региональных и локальных спецкурсов по тематике раннежелезного века. Часть данных может использоваться в лекциях по проблемам истории религии и атеизма, в целях организации туристской работы. А все вместе это позволяет надеяться, что результаты проделанного исследования окажутся небесполезными в деле воспитания наших современников.

Структура работы. Основу работы составляют неопубликованные материалы, добытые в разные годы Северо-Кавказской археологической и Предгорно-Плоскостной археологической экспедициями Чечено-Ингушского государственного университета, хранящиеся в фондах Чечено-Ингушского республиканского краеведческого музея. В диссертационной работе используются материалы археологических отчетов, хранящихся в архивах ИА АН СССР, Государственного Эрмитажа, ЛОИА АН СССР.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении, кроме обоснования выбора темы её актуальности, проводится обзор источников и литературы, где указывается, что археологическое изучение края началось с экспедиций В.Ф. Миллера, А.А.Евдокимовского, работ краеведов Н.С.Семенова, В.И.Долбежова и Г.А.Вертепова. Их изысканиями открыт и частично исследован материал, в котором были и древности сарматского времени. Всем названным исследователям была присуща лишь общая описательная характеристика памятников без должной научной интерпретации, что объективно отражает уровень развития археологической науки того времени.

Подлинное изучение древностей сарматского времени началось после победы Великой Октябрьской социалистической революции. На территории Среднего Притеречья вели изыскательские работы М.И.Артемонов, А.Л.Круглов, Г.В.Подгаецкий, Е.И.Крупнов. Их усилиями выявлено значительное число бытовых и погребальных памятников сарматского времени. В 1947 г. выходит труд Е.И.Крупнова, один из разделов которого посвящен анализу материалов сарматской эпохи. Важной является работа Л.Г.Нечаевой, в которой интерпретируется этническая принадлежность Алхан-Калинских катакомб. Значительную ценность представляют выводы по сарматскому времени Е.И.Крупнова, изложенные в его капитальном труде "Древняя история Северного Кавказа". Археологические разведки Т.М.Минаевой в долине р.Сунжи выявили сарматские горизонты в культурном слое ряда городищ.

С 1958 г. к активному исследованию сарматских памятников на Северо-Восточном Кавказе приступил В.Б.Виноградов. Итогом этого изучения явилась первая монография, посвященная сарматам региона. С момента выхода этого труда наблюдается постоянный рост изучения сарматских погребальных памятников края /раскопки Е.И.Крупнова, Н.Я.Мерперта, Р.М.Мунчаева, В.Б.Виноградова, В.И.Марковина/. Усилиями этих исследователей было обнаружено более 30 основных и впускных погребений сарматского типа.

Исключительно важны материалы двух Увкальских могильников, характеризующих местную культуру горцев последних веков до н.э. - начала н.э.

За последние 15 лет определенного успеха достигло изучение

памятников предгорных районов края. Раскопки В.Б.Виноградова, В.И. Марковина и Р.М.Мунчаева выявили тут ряд некрополей, материал которых дает представление о культуре населения предгорий.

Важное значение в плане уяснения характера и степени контактов абортгеннов и сармато-алан на рубеже — начале н.э. приобретает материал Гудермесского могильника, расположенного на стыке плоскости и предгорий, у городища Гумси-Корт.

Исследования В.Б.Виноградова в области сарматской археологии Северного Кавказа породили широкую полемику относительно конкретной локализации сиракских и ворских племен, этнической принадлежности различных форм погребального сооружения и обрядов на Северном Кавказе /Б.Н.Граков, К.Ф.Смирнов, В.А.Кузнецов, М.П.Абрамова, Б.М.Керефов, В.П.Алексеева и др./. Перспективной является поправка Б.Н.Гракова к хронологии сарматских древностей В.Б.Виноградова. Исследователь предложил относить древности I в.н.э. к первому периоду местной истории сарматской эпохи /III — I вв. до н.э. по В.Б.Виноградову/, тогда как второй охватывает II — IV вв. н.э.

В конце 60-х годов к планомерному изучению северокавказских древностей сарматского времени приступила М.П. Абрамова. Отметим, что в работах М.П.Абрамовой древности Среднего Притеречья специально не исследуются, а лишь частично привлекаются для подкрепления выводов, базирующихся на анализе памятников соседних территорий.

Будучи спорными по ряду проблем, исследования М.П. Абрамовой весьма полезны не только мобилизацией и интерпретацией новых материалов, но и постоянным /хотя порою и преувеличенным/ акцентированием культурного вклада аборигенных племен в оформление специфического облика памятников сарматской эпохи Предкавказья. Эта проблема обсуждается в выступлениях на конференциях и в печати /В.А.Кузнецов, В.Г.Котович, В.Б.Ковалевская, В.Б.Виноградов, К.Ф.Смирнов, С.Н.Савенко, Я.Б.Березин, А.М.Едановский и др./.

Историография вопроса об автохтонном населении изучаемой территории невелика. Это вызвано недостаточной изученностью соответствующих памятников.

Археологические изыскания последних двух десятилетий дали новый импульс к поискам исторических свидетельств об этнонимах горских племен, поставили задачу увязать данные материальной культуры горцев с данными греческих, римских и закавказских письменных

источников. Суждения о них содержатся в работах Л.А.Ельшицкого, Б.И.Крушнова, В.Б.Виноградова, М.П.Абрамовой, В.П.Шилова, Л.И.Лаврова, О.М.Давудова и др./.

Историко-географический этюд во введении характеризует географические условия Среднего Притеречья.

Очевидная дискуссионность большинства поставленных вопросов, стремление решить часть из них на базе выборочно взятого или узколокального материала диктует необходимость полного анализа всех накопленных источников с учетом синхронных материалов сопредельных областей.

В главе I рассматриваются сарматские памятники Среднего Притеречья. § I посвящен определению этнического состава сарматов Среднего Притеречья по письменным источникам. В нем рассматриваются точки зрения относительно времени и условий появления сарматов, отраженные в исследованиях Б.Н.Гракова, К.Ф.Смирнова, В.Б.Виноградова, М.П.Абрамовой, Р.М.Мунчаева, Б.М.Керефова и др. Анализ источников позволил уверенно присоединиться к мнению исследователей, считающих, что появление сарматских номадов должно относиться к III в. до н.э., когда они влились в состав скифо-савроматских обитателей местных степей, пребывавших на местных равнинах в VI — IV вв. до н.э. /В.Б.Виноградов/. Мы считаем также, что равнинная и степная территория Среднего Притеречья являлась в III в. до н.э. — I в. н.э. периферией сиракского союза племен.

Письменные источники фиксируют ранних алан на Северном Кавказе в первых веках н.э. Так, в III в. н.э. царь Картли Амазасп выступил в Овсети против алан. Клавдий Птолемей в своем "Географическом руководстве" называет гидроним "Алонта", сопоставляемым с р. Терек, этноним "олонды", в котором угадывается искаженное название алан. Аланские топонимы называет и Моисей Хоренский.

В § 2 проводится хронология 55 захоронений близких или идентичных по ряду признаков инвентарю из сарматских памятников Волго-Донского междуречья и Северного Прикаспия. Этот комплекс признаков включает в себя форму предметов, орнаментику, технологические качества и т.д. Понимая, что такое сочетание признаков не всегда возможно для определения времени бытования, а также для этнической интерпретации, мы будем привлекать комплекс признаков, характеризующих погребальный обряд.

Среди исследуемых комплексов выделяется группа могил, датиру-

шихся в в. до н.э. - I в.н.э. Другая группа могил относится ко II - IV вв.н.э. Их различие подчеркивается формой и орнаментикой керамики, прекращением бытования и появлением некоторых типов одежды, посуды, украшений.

Сопоставление данных хронологии материальной культуры с ходом исторических событий, восстанавливаемых по письменным источникам, указывает на их совпадение, что убеждает в преобладающей исследовании культуры населения равнины и степей Среднего Причерноморья в двух хронологических периодах: III в. до н.э. - I в.н.э. и II - IV вв.

В § 3 проводится анализ погребального обряда в курганных /центральных и впускных погребениях/, а также подкурганных и бескурганных катакомб. Этническая принадлежность отмеченных выше типов могил определяется по комплексу признаков: курганное /центральное или впускное захоронение в прямоугольных ямах/, широтная /преимущественно западная/ ориентировка, вытянутое положение костяков /иногда с укладкой рук или руки на таз или под него, перекрещенные голени/, наличие микродеталей, находящихся аналогии в памятниках сарматского круга междуречья Дона и Волги, Северного Прикаспия и в тоже время чуждых хронологически близким автохтонным памятникам.

Как и в случае с характеристикой инвентаря, здесь из-за очевидной скромности числа закрытых комплексов, этническая принадлежность обряда определяется лишь в комплексном сочетании с анализом инвентаря.

Попытка дать исчерпывающий анализ формам и деталям погребальных сооружений сталкивается с определенными трудностями, вызванными спецификой грунта. Однако в отдельных случаях фиксируется, что погребенные в центральных и впускных курганных захоронениях покоились в прямоугольных ямах с закругленными углами /Мекенская, Н.Аристы /. Иногда вокруг костяков отмечался древесный тлен, что предполагает наличие гробов-колод. Для погребенных характерно вытянутое на спине положение, с укладкой рук или руки на таз или под него, перекрещенность или вытянутость голени.

В ориентировке преобладает западное направление. На сектор ЮЗ-СЗ приходится 70,2%. Северная, восточная и южная с примыкающими составляет соответственно 16,8%, 14%, 16,8%. Форма погребального сооружения, ориентировка и инвентарь находят параллели в сарматской культуре Волго-Донского междуречья. Таким образом, сарматская

принадлежность курганных захоронений исследуемого времени вряд ли может серьезно оспариваться. Разделяя точку зрения о вхождении населения степей и равнин Среднего Причерноморья в сиракский союз племен, полагаем, что погребенные в курганах и являются представителями этого объединения.

Среди 9 катакомб II-IV вв. обряд погребения полностью известен в двух. В трех случаях камеры длинной осью ориентированы по линии З-В, в 6 - по линии С-Ю. В одной из камер /из группы с широтной ориентировкой/ 2 костяка лежат головами на З. В другой /из группы с меридианальной ориентировкой/ 2 костяка покоятся головами на Ю. Все катакомбы убедительно интерпретированы нашими предшественниками, как раннеаланские /Е.И.Крушов, Л.Г.Нечаева, В.Б.Виноградов, Р.М.Мунчаев/. Попытка объявить ранние катакомбы автохтонной погребальной формой /М.П.Абрамова/ весьма спорна. В настоящий момент мы не можем назвать ни одного случая фиксации катакомбы на исконно горской территории обитания ни в сарматскую, ни в скифскую эпохи. И, наоборот, новые исследования К.Ф.Смирнова, Е.П.Алексеевой, Р.М.Мунчаева, В.Б.Виноградова, Б.М.Керефова, С.Н.Савенко, А.М.Ивановского убедительно отстаивают сарматскую доминанту в происхождении катакомб. Мнение же К.Ф.Смирнова о связи дромосных могил с ходом развития катакомб на сегодняшний день остается наиболее перспективным.

В § 4 анализируется инвентарь из сарматских и раннеаланских памятников. Исследование проводится по категориям: керамика, оружие, орудия труда, украшения и предметы туалета.

Керамика подразделяется на столовую, кухонную и ритуальную. К столовой посуде отнесены кувшины, миски, кружки. Анализ керамики из сарматских комплексов позволил выявить посуду местных типов. Во II-IV вв. кувшины и горшки приобретают несколько иную форму. У них становится более приземистым тулово, укорачивается подши - цилиндрическая горловина, иногда появляется носик-слив. Частым приемом в декоре становится зооморфное оформление ручек. Миски ранней хронологической группы отличаются от поздних формой, качеством обжига и выделки. Они более приземисты, бортик получает заметный наклон вовнутрь, а стенки у дна имеют четких прогиб. Кружки в ранних комплексах редки, а во втором периоде становятся массовыми. Аналогичный факт отмечен при исследовании керамики сусловского времени /М.П.Абрамова/. Кухонная посуда повторяет в ос-

новном типе столовой керамики. С массовым изготовлением керамики с помощью гончарного круга стираются внешние различия между столовыми и кухонными изделиями.

Культурная керамика представлена шестью видами: двуручные сосуды, сосуд с ручками-выступами, курильница на высокой ножке-поддоне иногда с "кармашком" - отделением в чаше, четырехугольная курильница, сосудик в виде усеченного конуса, курильница-"стакан".

Устанавливая генезис двуручных сосудов /14 экземпляров/ и их этническую принадлежность мы приходим к выводу, что в выработке их формы возможно послужили два импульса. Один исходил из Прикубанья /форма канфаров/, другой из областей яллойлу-тапинской культуры /близкая форма сосудов/. Полагаем, что определенную роль в распространении данного вида посуды по Северному Кавказу сыграли сарматы и местные сарматизированные племена. Не случайно, что все известные нам экземпляры найдены либо в сарматских захоронениях, либо в местных памятниках, отмеченных сильным влиянием кочевников /Коба-Баши, Нижний Джулат, Ханкала, Тарки и др./.

Любопытной является форма курильниц с "кармашком". Самые ранние прототипы встречены в сарматских погребениях прохоровского времени в Поволжье. Однако там они прекратили свое существование в сусловский период и одновременно /а может и немного раньше/ стали популярны на Северном Кавказе, где создается несколько их вариантов.

Остальные виды культурной посуды представлены единичными экземплярами, характеризуют идеологические воззрения сарматов и алан.

Оружие представлено мечами, наконечниками копий и стрел. Всё оно имеет хорошие аналогии в сарматских древностях. Находки круглых камней в погребениях могут указывать на использование сарматами пращи.

Орудия труда немногочисленны. Здесь особое внимание привлекают три тесла. Таковые чрезвычайно редки в сарматских погребальных комплексах Нижнего Поволжья и Северного Прикаспия /М.Г.Можкова/. Тесла из Среднего Притеречья позволяют предполагать о занятиях части сарматов земледелием /слова Страбона: "... другие живут в шатрах и занимаются земледелием"/.

Предметы туалета и украшения занимают основной процент в общей массе находок. Важно, что они находят массовые аналогии в

сарматских погребальных комплексах и отчасти в захоронениях местных племен. Так, в частности, в вопросе о происхождении зеркала-подвесок мы отдаем предпочтение сарматскому импульсу в их оформлении, подчеркивая в тоже время влияние местных металлургических традиций на процесс их производства на Северном Кавказе.

Привлекаемые материалы с бытовых памятников позволяют яснее представить общую картину исследуемой эпохи. Так материалы раскопок на Алхан-Калинском городище /стратиграфические наблюдения, керамика, украшения, фибулы и т.д./ дают основания утверждать о возникновении поселка во II-III вв. н.э. Все находки из позднесарматского слоя имеют хорошие аналогии в инвентаре позднесарматских погребений, а также катакомб, исследованных вблизи памятника и интерпретированных, как ранневеланские. Это говорит о доминировании здесь ираноязычного населения, а не местного /М.П.Абрамова/. В тоже время, существование вблизи городища Гумси-Корт могильника местной этнической группы обосновывает возможность присутствия среди населения равнинных позднесарматских городищ местных этнических групп. Заканчивая обзор сарматских памятников равнинной зоны Среднего Притеречья, мы приходим к выводу, что она с III в. до н.э. была населена сарматскими этническими группами, входившими в состав сиракского союза племен. В регионе прослеживается специфика культуры сарматов, которая, сохраняя свою основу, вместе с тем отличается многими чертами от собственно сарматской культуры Волго-Донского междуречья и Северного Прикаспия. В этом определяющую роль сыграло значительное удаление от собственно сарматских территорий, взаимопродуктивные связи с местным населением, изменение хозяйственного уклада /переход части кочевников к земледелию/ и контакты с развитыми центрами Северного Причерноморья и Кавказской Албании.

В главе II рассматриваются Ункальские древности сарматского времени. Исследование греко-римских письменных источников позволило специалистам сопоставить этноним "гергарей" с предками вейнахов /Л.А.Вельницкий, М.И.Дьяконов, Е.И.Крупнов и др./ .Существование у некоторых горнодагестанских племен близкого термина /Н.Г.Волкова/ дало возможность говорить об эквивалентности "гергареев" и протовайнахо-дагестанской общности /В.Ф.Виноградов/. Правильно, как нам кажется, сопоставление этнонимов хамекиты, исадики /Страбон/-соды /Толемей/, исонды /Плиний/ с близкими этнопонима-

ми на территории края /Е.И.Крушов, В.Б.Виноградов, К.З. Чокаев /. Однако существуют и иные трактовки в локализации этих этнонимов /Л.И.Лавров, М.П.Абрамова, О.М.Давудов/. Анализ легенды, сообщаемой Страбоном, о взаимоотношениях амазонок, которые представляются олицетворением савромато-сарматских племен, с горскими племенами "гаргареев", показывает высокую степень их контактов. Полагаем, что абригенные памятники, рассматриваемые в данной главе, отягощенные в разные века различной степенью влияния соседей / в том числе и сарматов / являются материальным подтверждением реальности существования тех племен, о которых говорилось выше.

В § I определяется хронология погребального инвентаря. Ранними IV-II вв. до н.э. / среди ханкальских захоронений сарматской эпохи являются несколько могил. Хотя инвентарь в них и не идентичен, но все же предметы, составлявшие его, близки друг другу. Это в первую очередь керамика /сосуды, миски/, форма которой и орнамента имеют хорошие аналогии в комплексах предыдущих веков этого же памятника. На раннюю дату в этой группе погребений указывают браслеты с поперечными насечками, витые наконечники, некоторые типы бус. Остальная часть комплексов /последние века до н.э. - начало н.э./, будучи связана с предыдущими по времени захоронениями, также содержит в целом сходный инвентарь /двухручные сосуды с гальками внутри, втульчатые трехгранные наконечники стрел, железные серповидные ножички, колчаные крюки, крупные янтарные подвески, курительницы на ножках, миски, типы бус и т.д./, что указывает на их хронологическую близость. Поиски аналогий материалам в большинстве случаев приводят к раннесарматскому инвентарю.

Число комплексов IV-III вв. до н.э. на могильнике превосходит число погребений этого же времени на городище и выражается соотношением 13:4. В дальнейшем число синхронных захоронений на том и другом примерно одинаково. К началу н.э. территория поселка становится местом основного числа погребений /20:7/.

Процесс перехода к захоронениям на городище, вероятно, следует увязать с общими событиями, происходившими на плоскости в последние века до н.э., а именно с усилившимся влиянием союза племен во главе с сираками, активная деятельность которого как раз и приходится на это время. Именно в этот период в духовной и материальной культуре ханкальцев появляются и крепнут элементы во многом перекликающиеся с культурой сарматского мира степей Север-

ного Кавказа и Волго-Донского междуречья.

В § 2 рассматривается погребальный обряд ханкальских могильников /каждого отдельно, чтобы определить причины, побуждавшие обитателей этнической группы совершать захоронения в один и тот же период на различных участках/.

Сравнение ориентировок показывает, что в целом на могильнике явно преобладает широтная / с доминированием западной/. В тоже время на городище можно отметить незначительное преобладание широтной над меридианальной /соответственно 76% и 52% /.

Положение костяков на обоих памятниках мало чем отличается - большинство их лежит вытянуто на спине. Однако зафиксированные позы костяков чрезвычайно многообразны.

Фиксация типа погребального сооружения затруднена на могильнике из-за специфики грунта, а на городище тем, что они были вырыты в культурном слое. Однако как только в черте поселка могилы углублялись в материк они фиксировались в виде узких ям, обложенных по краям деревянными плахами. На обоих могильниках зафиксированы общие детали похоронного обряда. Но в целом они более разнообразны в погребениях в черте поселка.

Скорченное положение костяков в могилах IV-III вв. до н.э. можно считать одним из основных показателей автохтонности. Полагаем, что оба могильника следует отнести к кругу позднекобанских приграничных памятников. Причину перехода от скорченности костяков в захоронениях к вытянутому положению можно объяснить усиливающимся влиянием кочевников. Аналогичный процесс зафиксирован на одном из известных кобанских могильников /Нестеровском/ и объяснен Е.И. Крушовым скифо-савроматским влиянием. Однако мы считаем что факт окончательной победы вытянутого положения костяков не следует объяснять лишь влиянием кочевников, не учитывая того момента, что такой обряд стал свойственен в последних веках до н.э. и некоторой части местного населения в качестве неотъемлемой части их духовной культуры.

Чужды исконному обряду местных племен Среднего Притеречья и такие микродетали обряда, как укладка рук или руки на пах, таз, грудь, живот, наличие меловой подсыпки или подстилки, кусочки ре-альгара, серы, жертвенной пищи /части барана/ с ножичком в миске. Однако они присущи обряду сарматов /К.Ф.Смирнов, К.П.Ефанов и др./ С сарматским обычаем связывается и единственный зафиксированный

случай деформации черепа. Не свойственно местным традициям и такое положение ног, как "атакующая" поза, поза "всадника", перекрещенные голени.

Захоронения в черте поселка поставили проблему их интерпретации. Одна из версий объяснила их появление результатом штурма поселка сарматами, что возможно, не лишено оснований для погребения IV-V вв. до н.э. С этим же обстоятельством, вероятно, связано и зарытие клада конского снаряжения /В.А.Петренко/. Однако другие погребения требуют иного толкования. Скорее всего этот факт можно объяснить тем, что ханкальцы, испытавшие влияние культуры сарматов, стали использовать заброшенное городище как "большой" курган. Аналогичные случаи известны и описаны в литературе, посвященной сарматам /М.Е.Лукин, Е.М.Керефов/. Это ещё раз подчеркивает действительное влияние соседей-сарматов на обитателей равнины Среднего Притепечья.

§ 3 посвящен анализу инвентаря ханкальских погребений. Все предметы рассматриваются по группам: керамика, обрудия глуда, оружие, предметы туалета и украшения.

Наблюдения за технологическими приемами изготовления посуды показывают, что состав примесей на протяжении всего отрезка времён совершенства погребений почти неизменен /шамот/. Редко встречается песок. Орнамента на ранних сосудах представлена налестями различной формы. К рубежу эр этот вид орнамента постепенно исчезает, уступая место нарезному и пролощенному рисунку, что связывается /особенно последний вид техники/ с влиянием сарматов.

Примененные в параграфе статистические методы помогли выявить и четко охарактеризовать некоторые типы кувшинов, горшков, мисок. Здесь подчеркивается, что форма некоторых типов кружек демонстрирует преемственность от ранних форм местных кружек. К рубежу эр у ханкальцев появляются керамические подражания некоторым кубкам и чашам позднеантичных типов.

Особое внимание привлекает к себе ритуальная посуда, в которой выделяется семь групп. Каждая из них в свою очередь подразделяется на несколько типов.

Ранними из культовых сосудов представляются два крупных с воронкообразными горловинами и круглой галькой внутри. Вероятно, по времени к ним примыкает сосудик с подцилиндрической горловиной и шаровидным туловом, по которому нанесено вертикальное рифление.

54% культовых сосудов Уанкалы содержит гальку, 7% - облобок гальку, 3,5% - фрагменты керамики и круглую гальку, 3,5% - кусочки истлевшего дерева. Ритуал, связанный с помещением камня в сосуд, находит аналогии в сарматских и сарматизированных памятниках Северного Кавказа, в меотских погребениях, в также сарматских погребениях Казахстана. Этнографические изыскания выявляют обряды сакрального использования камня и у чеченцев и ингушей /С.-А.М.Хасиев/, что характерно в общем для всех народов Северного Кавказа. Некоторые формы культовой посуды указывают на тесную связь ханкальцев с сарматами.

Оценка керамики в целом решающим образом подчеркивает автохтонность населения, оставившего оба памятника. Вместе с тем она обладает рядом свойств, которые объясняются влиянием соседей.

Исследуемое немногочисленное оружие /фрагменты копий, наконечники стрел/ указывает, что ханкальцы пользовались теми же типами оружия, что и остальное население Северного Кавказа. О том, что данная этническая группа, развивая некоторые местные формы украшений и туалетных принадлежностей, поддерживала контакты с окружающим миром, свидетельствует форма зеркал, бус, фибул пояжек и т.д. Все это ставит культуру ханкальцев на один уровень развития с синхронными культурами Северного Кавказа.

В параграфе высказывается гипотеза, что данную этническую группу можно сопоставить с группой вобитенного населения и видеть в ней часть общности, скрывавшейся под унитарным названием "гаргарей". Прекращение захоронений на ханкальских памятниках ставится в связь с появлением в последней трети I в.н.э. новой волны краноязычных племен - алан.

В главе III рассматриваются памятники предгорной зоны III в. до н.э. - IV в.н.э. Они представлены 50 комплексами из 12 могильников, многочисленными случайными находками, а также материалами с поселений сарматской эпохи юго-восточной Чечни.

§ I посвящен хронологическому анализу горского инвентаря. Рассматриваемый материал укладывается в рамки двух хронологических групп: III в. до н.э. - I в.н.э. и II-IV вв.н.э. 14 комплексов отнесены к раннему периоду. Они характеризуются общими типами керамики, которая во многом продолжает традиции предшествующей эпохи, однородным в целом металлическим инвентарем и пр. Сопоставление материалов ранней группы с поздней выявляет заметное своеобразие послед-

ней. Оно выражается в появлении новых форм керамических изделий, новых типов оружия, украшений. Вместе с тем в состав инвентаря входят некоторые предметы ранних типов. Этот факт отражает процессы, происходившие на равнине: появление и оседание во II-IV вв. н. э. алан, с которыми у горцев устанавливаются тесные контакты.

В § 2 анализируется погребальный обряд у населения юго-восточной Чечни в III в. до н. э. - IV в. н. э. Ценность данных некоторых могильников подчеркивается тем, что они возникли в скифскую эпоху, продолжали использоваться и в сарматское время /могильник Яман - Су, Балаи-Су, Ногай-Кут I-я, Лехка-Кот и др./ или же зарождались в непосредственной близости от могильника предшествующей эпохи /Ногай-Кут 2-я, Бети-Мокх I-я/. Часто кости ранее погребенных сдвигались к стенкам могилы, а на освободившуюся площадь укладывался умерший сарматского времени. Некоторые могильники продолжают традиции некрополей, существовавших в этой зоне ранее /расположение могил рядами, установка вертикальных стел и др./.

В параграфе предпринимается попытка определения критериев терминологии каждой исследуемой формы погребального сооружения: каменных ящиков /КЯ/, могил с частичным каменным оформлением /ЧКО/ и грунтовых погребений /ГП/. Несмотря на численную скромность используемых здесь горских комплексов, их анализ диктуется назревшей необходимостью создания общей характеристики.

Большинство захоронений III в. до н. э. - I в. н. э. принадлежит КЯ, часть демонстрирует могилы с ЧКО и одно является ГП. Здесь встречаются как коллективные, так и одиночные погребения. Анализ формы погребального сооружения сарматского времени выявляет преемственность их от более ранних в этом же регионе.

Статистика ориентировок в комплексах ранней группы устанавливает явное преобладание южной в секторе КС-КВ, что также указывает на генетическую связь рассматриваемых памятников с некрополями предшествующих эпох этого же района. Все костяки, где это удалось проследить, лежат скотченно, на правом или левом боку.

Анализ обряда 36 погребений II-IV вв. н. э., проведенный по тем же параметрам, что и в предыдущей группе комплексов установил, что в типах могильного сооружения и в численности погребенных особых изменений не произошло. Однако показатели в ориентировке стали более разнообразны: прекратилось господство южного направления, нет прежней стабильности в позе костяков - умерших стали уклады-

вать вытянуто на спине, иногда с укладкой рук на пах. Зафиксирован случай деформации черепа.

Мы не можем разделить мнение, что захоронения начала н. э. отличаются меньшей глубиной от могил последних веков до н. э. / В. Б. Виноградов, В. И. Маркович/. Корреляция глубины могил с иными показателями не подтверждает этого, высказывается мысль, что более глубокие могилы, возможно, следует связывать с социальным положением погребенного. В Карагайе предпринимались попытки установить причины сооружения КЯ из цельных и составных плит и подчеркивается, что объяснение этого факта трудностью изготовления монолитных плит или степенью воздействия на них внешних сил в настоящий момент не может удовлетворять.

Резюмируя анализ погребального обряда, следует отметить: 1 - на протяжении всей эпохи типы погребальных сооружений остаются неизменными; 2 - до начала н. э. господствует южная ориентировка и скотченное положение костяков; 3 - с первых веков н. э. ориентировка погребенных становится произвольной. Костяки покоятся вытянуто на спине. Зафиксированы новые микродетали в похоронном ритуале.

Аналогичный процесс отмечен в погребальном обряде горцев Центрального Кавказа, а также у части населения предгорных районов Дагестана /М. П. Абрамова, О. М. Давудов, Е. М. Керевов/.

В § 3 исследуется инвентарь из горских комплексов по разделам: керамика, оружие, орудия труда, украшения и предметы туалета.

Изучение технологических признаков керамики двух групп выясняет, что в комплексах последних веков - начала н. э. господствуют изделия ручной формовки, а в комплексах II-IV вв. преобладает гончарная керамика. Примеси в последней группе более разнообразны. Во II-IV вв. изменения коснулись орнаментики и цвета поверхности.

Применяемые в параграфе корреляционные методы выявляют несколько типов посуды среди кувшинов и горшков, мисок. Высказывается мнение, что зафиксированные в сарматское время ковшики, плошки и кружки могли использоваться для питья / а не в качестве светильников, как в скифское время /В. Б. Виноградов/. Анализ культовой посуды свидетельствует о дальнейшей унификации керамики позднекобанского и ичкеринского круга, а также сарматской.

Наблюдения над оружием свидетельствуют, что в сарматское время горцам были знакомы многие виды мечей и кинжалов первых веков н. э., а также украшений и предметов туалета, бытовавших на обширных

территориях южно-русских степей.

Таким образом, анализ духовной и материальной культуры показывает, что предгорья Среднего Притеречья были заселены местными этническими группами, жившими на голодных типа Ханкала и поселениях типа Лехч - Корт и Ежсч - Корт. В сарматскую эпоху происходит дальнейшая унификация кобанских и ичкеринских, а со II в. н.э. и сарматских черт в культуре горцев. Изменения, замеченные в культуре местного населения II-IV вв. н.э., могли быть вызваны не только влиянием ираноязычного населения равнины и степи, но и миграцией местного населения плоскостной части в предгорья.

В заключении суммируются основные выводы, сделанные в работе. Оценивая состояние изученности темы, нужно подчеркнуть, что в Среднем Притеречье гораздо лучше были изучены сарматские древности. Тем самым создалась ощутимая диспропорция в степени изученности кочевнических и аборигенных памятников. Сегодня эта диспропорция в существенной мере преодолена. Данная ситуация и мотивирует наше основное внимание к сопоставлению культуры пришлого и местного этноса, решению вопросов об их взаимовлиянии.

Исследование письменных источников позволяет уверенно говорить, что появление в степной и равнинной зонах кочевников - сарматов относится к III в. до н.э. Этот процесс в определенной мере был подготовлен долгим вхождением края в область кочевий ираноязычных скифов и савроматов. Эти же источники дают основания считать, что Среднее Притеречье входило в сферу влияния сираков, являясь периферией сиракского союза племен, что не противоречит поддерживаемой большинством специалистов мысли о сиракской доминанте на Центральном Кавказе и в среднем течении Терека.

Хронология инвентаря из центральных и впускных курганных погребений устанавливает, что ранние из них относятся к III-II вв. до н.э. Сопоставление этого факта с известиями письменных источников подтверждает вывод о появлении сарматов-кочевников именно в этот период, устанавливая, что ими были сираки, с которыми можно отождествить центральные и впускные захоронения с вытянутыми костяками с широтной ориентировкой. Существование иных ориентировок указывает на многоплеменность сиракского союза, окраиной которого являлась исследуемая территория. Сама же подкурганная форма захоронения рассматривается нами как сарматская, в чьей среде она имела безраздельное господство. Вместе с тем, учитывая про-

18

цесс сарматизации, можно допустить, что в них на определенном этапе могли хоронить умерших и какие-то местные сарматизированные этнические группы, чему способствовало знакомство части автохтонных племен с практикой возведения насыпи над умершими /скифское время - Бойси-Ирзо, Ани-Ирзо, Воздвиженский и др./.

Данное положение подтверждает наблюдения над обрядом ханкальцев, где отмечается процесс перехода от скорченных костяков /погребения IV-III вв. до н.э./ к вытянутому положению умерших /II в. до н.э. - начало н.э./, что связывается с влиянием сарматов. На это указывает и тот факт, что часть погребений стала совершаться в заброшенном поселке, напоминающем своей конфигурацией курган.

Решению вопроса об этнической принадлежности курганов способствует и анализ горского погребального сооружения, представленного в III в. до н.э. - I в. н.э. традиционно местной формой погребального сооружения - КЯ и могилы с ЧКО. Сказанное не подтверждает мнения об автохтонном происхождении курганов, основанного на сравнении отдельных сторон обряда или части инвентаря из них с собственно горскими /М.П.Абрамова/. Следует с осторожностью относиться и к суждению о том, что все без исключения погребения в курганах являются сарматскими /В.Б.Виноградов/.

Останавливаясь на генезисе катакомб, автор придерживается их сарматского происхождения, которое в последние годы ещё более обосновывается К.Ф. Смирновым и подтверждается новыми раскопками /Б.М.Керефов, А.Х.Наговь/. Распространение катакомб в начале н.э. связывается с расселением в это время алан. Нехарактерность катакомб для автохтонного обряда подчеркивается анализом горских могильников III в. до н.э. - IV в. н.э. Некрополи на протяжении всей эпохи состоят из камейных ящиков и могил с частичным каменным оформлением. Со II-IV вв. в похоронном ритуале явно отмечаются детали, несвойственные горскому обряду ранее /произвольная ориентировка, вытянутые костяки с укладкой рук или руки на пах, случаи деформации черепа, заупокойная пища в миске с ножичком и т.д./ Эти новшества могли быть вызваны миграционной волной местного населения равнины в горы в следствии аланской экспансии в первых веках н.э., а также усилившимися контактами горцев с сармато-аланами.

Анализ одного из основных компонентов материальной культуры - керамики, позволил наглядно вычлнить общие и отличительные черты изделий из горских и сарматских комплексов. Сравнение орнаментики

19

показывает, что горская керамика продолжает украшаться округлыми налестами, изредка на тулове заметна обмазка, а на горловине — налестные полосы. Сарматские изделия несут в основном орнамент из вертикальных пролощенных полос. Процесс контактов сарматов с аборигенами особенно хорошо иллюстрируется орнаментом и формами ханкальской посуды. Найдки же в сарматских комплексах посуды местного облика ещё раз убеждают в налаженных контактах между сарматами и местными этническими группами. На это указывают некоторые формы ритуальной посуды, генезис которых видится сложным, синтетическим. В выработке формы отдельных типов культовой керамики /курильницы с "кармашком", двуручные сосуды, полусферические чаши / в исследуемую эпоху принимало население Волго-Донского междуречья, Прикубанья, Среднего Притеречья, Приморского Дагестана, Кавказской Албании. Эти "интернациональные" черты придают культуре сарматов Среднего Притеречья своеобразный облик: она приобретает ряд признаков несвойственных ей ранее, перерабатывает в новых условиях прежние компоненты, так, что они становятся качественно отличными от ранних элементов собственно сарматской культуры. Это своеобразие отложило отпечаток и на аборигенные памятники.

Суждения о бытовых памятниках, привлекаемых в соответствующих главах, крайне осторожны. Это мотивируется тем, что они в основном базируются на подъемном материале. Относительно лучше изучены позднесарматские материалы из Алхан-Калинского городища, хорошо вписывавшиеся в общеисторическую обстановку II—IV вв. н.э. Этот материал имеет многочисленные аналогии в инвентаре катакомб II—IV вв., раскопанных вблизи памятника и интерпретированных, как раннеаланские /Л.Г. Нечезева, В.Б. Виноградов/.

Впервые сделан шаг к реальному обоснованию тезиса о присутствии местных этнических групп в составе поселков позднесарматского времени на плоскости /городище Гумси-Корт и близлежащий могильник/

Опыт изучения вопросов истории и культуры населения Среднего Притеречья в сарматскую эпоху, свидетельствует, что только комплексное исследование памятников степной, равнинной и предгорной зон позволяет раскрыть сложный процесс развития, становления и взаимовлияния культур пришлых ираноязычных кочевников и автохтонного населения.

Основные положения диссертации опубликованы в работах:

I. К вопросу об археологическом изучении горных районов Чече —

но-Ингушетии за 1965—1967 гг. — Тезисы докладов конференции научного студенческого общества Чечено-Ингушского пединститута. Грозный, 1968, с. 18—19 /соавтор И.Д. Магомедов/.

2. Раскопки второго Ханкальского городища. — В сб.: Археологические открытия 1970 г. М., 1971, с. 113—115 /соавтор В.Б. Виноградов/.

3. Ещё раз о клинках с серповидным навершием из могильников сарматского времени Центрального Кавказа. — Тезисы III "Крупновских чтений", Грозный, 1973, с. 13—15.

4. Рецензия: А.М. Хазанов. Очерки военного дела сарматов. "Советская археология", 1973, №2, с. 273—280 /соавтор В.Б. Виноградов/.

5. Могильник сарматского времени на горе Лехич-Корт. — "Советская археология", 1974, №1, с. 171—180 /соавтор В.Б. Виноградов/.

6. Сарматские двуручные "канферовидные" сосуды Северного Кавказа. — Тезисы докладов IV "Крупновских чтений", Орджоникидзе, 1974, с. 41—42.

7. Стеклопосуда из окрестностей Алхан-Калинского городища. — "Советская археология", 1974, №2, с. 257—258 /соавтор Х.М. Мамаев/.

8. Археологические разведки в Чечено-Ингушетии. — В сб.: Археологические открытия 1973 г. М., 1974, с. 101—103 /соавторы В.Б. Виноградов, С.Л. Дударев, Х.М. Мамаев/.

9. Начало сарматизации обитателей Ханкальского второго городища. — Тезисы V "Крупновских чтений", Махачкала, 1975, с. 54—56.

10. Разведочные работы в Чечено-Ингушетии. — В сб.: Археологические открытия 1974 г. М., 1975, с. 101—102 /соавторы В.Б. Виноградов, С.Л. Дударев, Х.М. Мамаев/.

11. Рецензия: Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973. — Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Ростов-на-Дону, 1975, №1, с. 104—106 /соавторы С.Л. Дударев, Х.М. Мамаев/.

12. Клад конского снаряжения из раскопок второго Ханкальского городища. — "Советская археология", 1975, №4, с. 256—259.

13. Культура юго-восточной Чечни в сарматскую эпоху. — Тезисы VI "Крупновских чтений", М., 1976, с. 44—45.

14. Новые источники по изучению сарматской эпохи в Чечено-Ингушетии. — В кн.: Археолого-этнографический сборник, т. 4, Грозный, 1976, с. 64—71 /соавтор В.Б. Виноградов/.

15. К происхождению сарматских бронзовых зеркал-подвесок Северного Кавказа. "Краткие сообщения Института археологии АН СССР", вып. 142, с. 44—49 /соавтор В.Б. Виноградов/.

16. Ручки сосудов в виде животных на Ханкальском втором городище.- В сб.: Археология и вопросы этнизма. Грозный, 1977, с. 33-37.

17. Погребальный обряд Ханкальского могильника, как показатель его этнической принадлежности.- Тезисы УШ "Крупновских Чтений" . Нальчик, 1978, с. 51 - 52.

18. Этносоциальная интерпретация некоторых черт катакомбного обряда Центрального Предкавказья в середине I тыс. н.э. - Тезисы IX "Крупновских Чтений", Элиста, 1979, с. 43-44 /соавтор С.Н.Са-венко /.

19. Археологические исследования в юго-восточной Чечне.- В сб: Археологические открытия 1977 г. М., 1978, с. 136-137.

20. Погребальный обряд населения юго-восточной Чечни в III в. до н.э. - IV в. н.э., как этнический показатель.- В сб.: Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа, Грозный, 1979, с. 27-34

21. К этнической истории Северо-Западного Прикаспия /предварительное сообщение/.- В сб.: Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный, 1979, с. 45-58 /соавторы В.Б. Виноградов, В.А. Мялковский/.

22. Об одной из разновидностей сарматской культовой посуды на Среднем Тереке.- "Советская археология", 1980, № I, с. 275 - 283.

Заказ № 215

Подписано к печати 10.10.80 г. Формат бумаги 60x90.

Бумага тетрадная. Объем I п.л. Тираж 120 экз.

Отпечатано в Чечено-Ингушском госуниверситете

им. Л.Н.Толстого

Грозный, ул. А. Шерипова, 32